

Научная статья

УДК 331.106.2(571.53)(091)

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-45-54

Повседневная жизнь черемховских шахтёров в год Великого перелома:
Коллективный договор 1930 года

Мария Михайловна Плотникова¹,
Анна Владимировна Ильина², Елена Викторовна Дятлова³

^{1,2,3}Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

¹someforme@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9431-227X>;

²annilin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0917-3118>;

³dyatlovae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2348-797X>

В статье показана повседневная жизнь черемховских рабочих через содержание Коллективного договора 1930 г., заключённого между Черемховским союзом горнорабочих и Рудоуправлением. В региональной историографии тема повседневности рабочих угольной отрасли не раскрыта, что определяет научную новизну и актуальность данной статьи. Договор определял размер заработной платы, условия найма на работу, нормы выработки, обеспечение спецодеждой и жильём, в нём зафиксирован перечень рабочих специальностей с описанием уровня механизации труда, что позволяет поставить целью исследования анализ повседневной жизни черемховских рабочих. Авторы использовали метод case study, историко-социологический и компаративный анализы, системный подход, концепцию индустриализации Сибири В. П. Зиновьева. Документ был принят в год Великого перелома – перехода от легального функционирования рынка труда к запрету рыночных отношений. Текст Договора отражает как инерцию предшествующей эпохи, так и формирующиеся реалии трудовых отношений эпохи новой. Его важнейшая характеристика – решающая роль партийных органов, директивно определяющих основные параметры норм выработки. Приоритетом являлось повышение производительности труда, увеличение выработки, уплотнение рабочего времени. В условиях преобладания ручного труда и слабой механизации это вело к росту эксплуатации рабочих. В то же время Документ защищает некоторые права рабочих в сфере труда и быта, поэтому авторы сравнивают его с Коллективным договором 1904 г. между бакинскими рабочими и каспийскими нефтепромышленниками. Принципиальных различий между этими документами нет, а условия работы и быта не изменились с 1904 г. Авторы сделали вывод, что условия Договора 1930 г. свидетельствуют, что даже такая наиболее высокооплачиваемая и политически привилегированная часть рабочих Сибири, как черемховские горняки, жили в тяжёлых жилищных условиях и были вынуждены содержать огороды и домашний скот.

Ключевые слова: Коллективный договор, исторический источник, Восточная Сибирь, 1920-1930-е гг., угледобывающая промышленность, повседневность, черемховские рабочие

Благодарности: коллектив авторов благодарит Музей истории города Черемхово за предоставленную возможность работы с Коллективным договором 1930 г. между Черемховским союзом горнорабочих и Рудоуправлением.

Original article

The Daily Life of the Chermkhov Miners in the Year of the Great
Turning Point: The Collective Agreement of 1930

Мария М. Плотникова¹, Анна В. Ильина², Елена В. Дятлова³

^{1,2,3}Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

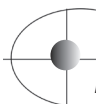
¹someforme@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9431-227X>;

²annilin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0917-3118>;

³dyatlovae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2348-797X>

The article is devoted to the everyday life of the Chermkhov workers through the content of the Collective Agreement of 1930 concluded between the Chermkhov Union of Miners and the Mine Administration. In regional historiography, the topic of everyday life of coal industry workers has not been disclosed, which determines the scientific novelty and relevance of this article. The Contract determined the amount of wages, conditions of employment, production standards, provision of work clothes and housing, it recorded a list of working special-





ties with a description of the level labor mechanization. The purpose of the study to analyze the everyday life of Chermkhov workers. The authors used the case study method, source and comparative analyses, a systematic approach, and the concept of Siberia industrialization by V. P. Zinoviev. The Document was adopted in the year of the Great Turning Point – the transition from the legal functioning of the labor market to the prohibition of market relations. The text of the Contract reflects both the inertia of the previous era and the emerging realities of the new era of labor relations. Its primary characteristic is the decisive role of party bodies, which prescriptively determine the main parameters of production standards. The priority was to increase labor productivity, increase output, and consolidate working hours. In conditions of predominance of manual labor and weak mechanization, this led to an increase in the exploitation of workers. At the same time, the Document protects some workers' rights in the sphere of work and life, so the authors compare it with the Collective Agreement of 1904 between Baku workers and Caspian oil industrialist. There are no fundamental differences between these documents, and the working and living conditions have not changed since 1904. The authors concluded that the terms of the 1930 Agreement indicate that even such a highly paid and politically privileged part of the workers of Siberia as the Chermkhov miners lived in difficult housing conditions and were forced to maintain vegetable gardens and livestock.

Keywords: collective agreement, Eastern Siberia, 1920–1930s, coal mining industry, everyday life, Chermkhov workers

Acknowledgments: the team of authors thanks the Museum of the History of the City of Chermkhovo for the opportunity to work with the Collective Agreement of 1930 between the Chermkhovo Union of Miners and the Mining Administration.

Введение. Изучение истории повседневности советского общества – дело важное, увлекательное, но и очень трудное. Это направление исследований с лёгкой руки школы Анналов [1; 2] не только давно стало в академической науке делом законным, уважаемым, но и признано стратегически важным [3, с. 28]. История повседневности приобрела статус самостоятельной отрасли исторического знания [4, с. 154]. Нароботан большой методологический и методический потенциал, есть масса образцовых исследований для различных эпох, стран и регионов.

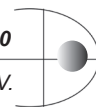
Тем не менее изучение структур повседневности советского общества сталкивается с серьёзными специфическими проблемами, в частности, дефицитом источников. Жесточайшая цензура исключала из публичной сферы письменные тексты, не согласующиеся с официальной идеологией, массовые репрессии не способствовали сохранению домашних архивов и передаче потомкам семейных историй и преданий.

Поэтому так важен сохранившийся в Черемховском краеведческом музее текст Коллективного договора 1930 г., подписанного Черемховским районным комитетом Союза горнорабочих СССР и Управлением Черемховского рудника. Он был напечатан тиражом 1200 экземпляров. Ценность договора как источника обуславливается тем, что сохранилось небольшое количество местных газет, и они не отражают повседневный быт черемховских рабочих.

Ценность Документа, с одной стороны, определяется датой – это год Великого перелома, перехода от легального рынка труда к запрету рыночных отношений. Текст Договора отражает как инерцию предшествующей эпохи, так и формирующиеся реалии трудовых отношений эпохи новой. Важнейшая характеристика эпохи – решающая роль партийных органов, директивно определяющих основные параметры документа. Чрезвычайно интересно в этом контексте сравнить Коллективный договор с аналогичным документом дореволюционной России – Коллективным договором 1904 г. между бакинскими рабочими и нефтепромышленниками. С другой стороны, в контексте повседневности чаще всего рассматриваются сферы быта, вообще того, что находится за пределами труда и трудовых отношений. Однако один из основателей социальной феноменологии А. Шютц выделил шесть конституирующих элементов повседневности, одним из которых является трудовая деятельность [5, с. 105].

Коллективный трудовой договор 1930 г. определял такие обыденные и повседневные параметры взаимоотношений рабочих и работодателя, как размер заработной платы, условия найма на работу, нормы выработки, обеспечение спецодеждой и жильём, условия труда и быта, степень механизации производства.

Целью работы является анализ повседневной жизни черемховских рабочих на основании содержания Коллективного договора 1930 г., подписанного Черемхов-



ским районным комитетом Союза горнорабочих СССР и Управлением Черемховского рудника. Выявлены способы мотивации и стимулирования труда рабочих, условия работы и быта, определена степень механизации производства через перечень рабочих специальностей, проведён компаративный анализ с первым коллективным договором 1904 года между бакинскими рабочими и каспийскими нефтепромышленниками.

Выявление условий труда и быта рабочих, занятых в угледобыче на основании Коллективного договора 1930 г., малоизученная проблема в истории первых пятилеток Восточно-Сибирского края / Иркутской области.

Специфика рассматриваемой в Договоре ситуации делает необходимым привлечение работ, посвящённых феномену коллективных договоров. Г. Н. Кулешов считает, что своё начало институт коллективного договора берёт в 1904 г., когда под давлением бастующих бакинских рабочих каспийские нефтепромышленники подписали первый коллективный договор в истории рабочего движения. Этот документ получил название «мазутная конституция» [6, с. 126].

Н. А. Филиппова отмечает, что особенностью периода 1930-х гг. было введение в экономику административно-командной системы, основным инструментом которой стало планирование. В связи с этим коллективные договоры меняют свой характер. Вместо принципов и норм права они стали содержать обязанности социальных партнёров по росту производительности труда, выполнению плана, развитию социалистического соревнования. Коллективный договор стал носить больше идеологический, чем правовой характер [7, с. 12].

Уровень жизни советских рабочих в 30-е гг. исследовался российскими учёными Б. Н. Казанцевым и И. М. Некрасовой [8], Г. Г. Брилем [9], Ю. М. Ивановым, которые пришли к выводу, что «жизненный уровень российского пролетариата в 20–30-е гг. оставался ниже того, который существовал в царской России» [10, с. 28].

Зарубежные исследователи Р. Дэвис [11], Х. Куромиа [12], Д. Филтзер [13], Д. Боффа [14] изучали уровень жизни советских рабочих в годы первых пятилеток при помощи анализа реальной заработной платы. Они сходятся в том, что реальная заработная плата в годы первых пятилеток была ниже

уровня 1928 г. и ниже уровня довоенного показателя. К 1937 г. реальная заработная плата в СССР достигла всего 60 % от уровня 1928 г. Вместе с тем стоимость товаров, потреблявшихся одним горожанином, была всего на 6 % меньше, чем в 1928 г., потому что в семье стало больше зарабатывающих и меньше иждивенцев [13, с. 125].

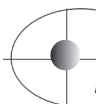
Отсутствие комплексного исследования по изучению повседневности рабочих, занятых в угледобыче в 1930-е гг., определило новизну и актуальность данной статьи.

Материалы и методы исследования.

Опора на один документ предопределяет формат case study, взгляд на общую проблему через конкретный случай. Поэтому необходим широкий историографический контекст, соотнесение с исследованиями структур повседневности раннесоветской эпохи. Широкий контекст создан российскими исследователями. И. Б. Орлов считает, что историки повседневности видят одну из своих задач в изучении условий работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий (в том числе конфликтных) с представителями администрации и предпринимателями [15, с. 12]. Н. Л. Пушкарева подчёркивает, что «большое значение приобретает частное: личный опыт, чья-то судьба, другая история» [16]. Н. Б. Лебина рассматривала повседневность советского города в 1920–1930-е гг. через нормы и отклонения бытовых практик. Она считает, что 1929 год «великого перелома» ознаменовался аномальными практиками повседневности [17, с. 296].

Системный метод позволил описать разные стороны повседневности черемховских рабочих, базируясь на неразрывности связи трудовых и бытовых практик. Концепция индустриализации В. П. Зиновьева стала основой настоящего исследования. Он отмечает, что «промышленная революция (первая модернизация), длившаяся с первой половины XIX в. до 60-х гг. XX в., была вторым этапом индустриальной эволюции России. Её итогом стала механизация добывающей промышленности, строительства, сельского хозяйства в 1930–1960-е годы» [18, с. 9].

Компаративный метод применён для сравнения условий труда и быта рабочих на Бакинских нефтяных промыслах в 1904 г. и на Черемховском руднике в 1930 г. по материалам коллективных договоров.



Архивные материалы и Коллективный договор 1930 г. исследованы при помощи методов источниковедческого анализа, выявлены проблемы предприятий Иркутской губернии, которые партия пыталась решить при помощи заключения с рабочими коллективных договоров и введения их в повсеместную практику.

Результаты исследования. Черемховские горняки играли важную роль в экономической и общественно-политической жизни региона. В 1928 г. топливодобывающая промышленность была на втором месте в отраслевой структуре регионального производства [19, с. 188]. В 1930–1931 гг. численность занятых в ней выросла с 3276 до 5039 человек, стоимость валовой продукции – на 30 %, вступили в строй новые шахты: в 1931 г. Малый Артем, в 1932–1933 – имени С. М. Кирова. Капиталовложения в каменноугольную промышленность составили 9,3 млн р. Расширялась механизация, росла добыча угля машинным способом [20, с. 318].

В 1923 г., по материалам единовременного учёта всех действующих коллективных договоров Иркутской губернии, ими было охвачено 220 предприятий и учреждений с 9 961 рабочим и служащим. Согласно Трудовому кодексу, коллективные договоры могли быть генеральными, общеотраслевыми и локальными. Исходя из того, что Коллективный договор 1930 г. заключён Управлением Черемховского рудника, можно сделать предположение, что в Иркутской губернии были только местные.

В 1926–1927 гг. в Иркутске и округе проходило уже перезаключение коллективных договоров, «произведённое по принципу подтягивания наиболее отсталых групп», которое «несколько сгладило имевшийся большой разрыв между отдельными категориями рабочих»¹. Например, «по предприятиям: Сользаводу, Сибфарфору, Дрожзаводу и конфетной фабрике путём повышения ставки 1-го разряда или премирования подсобных рабочих, подтянуть заработную плату подсобного рабочего к заработку сдельщика»². Заработная плата по краевой промышленности, к которой относились кожзавод, лесозаводы и Черембасстрест,

должна была повышаться в соответствии с решением Крайкома³.

Протоколы заседаний бюро окружкома ВКП (б) 1927 г. и обсуждение доклада ячейки копей № 6 Черемховского РК ВКП (б) выявляют следующие проблемы: «...слабое вовлечение рабочих в поднятие производства (отсутствие борьбы с прогулами и пьянством и падением производительности труда)»⁴, недостаточность мер «к изжитию ненормальных взаимоотношений рабочих с администрацией (горно-технический персонал)»⁵, недостаточное изучение причин падения производительности труда (технические неполадки, прогулы, простои, слабая квалификация т. п.). Было предложено «поставить одной из основных работ ячейки создание нужных условий и перелома в вопросе улучшения участия партийцев и беспартийных рабочих относительно поднятия производительности труда, улучшения производства и качества продукции, поднятия производственной дисциплины, всемерной борьбы с прогулами, привлекая наиболее сознательных рабочих»⁶. Также «добиться правильных взаимоотношений рабочих с административно-техническим персоналом, выявив и устранив причины ненормальностей. Особенное внимание уделить устранению насилия, спецедействия, грубости, нежелания считаться с рабочими и т. д.»⁷.

Перечисленные в партийном отчёте формы повседневной жизни относятся как к традиционным аномалиям (пьянство, насилие, грубость), так и к аномалиям новой власти (спецедействие), о которых пишет в своей монографии Н. Б. Лебина [17, с. 295–297].

Коллективный договор 1930 г. был одногодичным и локальным. Он распространялся «на всех работников, работающих и вновь вступающих в существующие и вновь открывающиеся предприятия или учреждения Рудоуправления»⁸ за исключением лиц, ответственных за выполнение коллективного договора и пользующихся правом найма и увольнения трудящихся, на сезонных и вре-

³ Там же. – Л. 7.

⁴ Там же. – Д. 213. – Л. 2.

⁵ Там же.

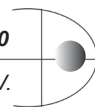
⁶ ГАНИИО. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 213. – Л. 2.

⁷ Там же.

⁸ Коллективный договор, заключённый на 1930 год Райкомом С. Г. с Управлением Черемховского рудника. – Черемхово: Тип. Горсовета, 1930. – С. 1.

¹ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 132.

² Там же. – Д. 22. – Л. 6.



менных работников, а также на тех, кто работает на своих лошадях.

Предусматривался 8-часовой рабочий день, а для представителей особо сложных и физически тяжёлых профессий (откатчики-грузчики угля в вагонетки, проходчики при работе в вертикальных шахтах, машинисты врубочных машин, забойщики и отбойщики) – 6 часов. Работа в шахте была опасной, рабочие могли получить увечья и умереть от несчастных случаев на производстве [21].

Условия работы отличались в зависимости от должности и участка работы. Черемховское рудоуправление состояло из нескольких шахт. Некоторые отличались особенно тяжёлыми условиями: температура свыше 28 °С, повышенная влажность, мокрые стволы или вертикальные стволы и зумпфы (колодцы для сбора грунтовых вод). В большинстве шахт условия были более лёгкими, что не делало труд рабочих менее сложным.

На руднике не было водопровода, канализации, чистка отхожих мест производилась вручную, затем они дезинфицировались раствором извести и карбололинеумом. На поверхности отхожие места откачивались ручным насосом.

В Договоре предусматривались меры по охране труда. Рабочим выдавалась спецодежда и фляги для воды, устраивались особые помещения для принятия пищи и обогрева и санитарные помещения. Работающим на подземных или особо грязных работах (котлочисты, кочегары и т. д.) предоставлялась баня или душ, а также выдавалось спецмыло. Взамен стирки и починки спецодежда оставалась в собственности работников при выдаче новой.

В 1926 г. в докладе о местной промышленности на заседании Бюро Иркутского Округкома ВКП (б) ставилась задача увеличения производительности труда. Отмечалось, что на неё влияют рационализация производства, переоборудование предприятий¹, широкое применение сдельщины².

Задача повышения производительности труда была одной из главных в Коллективном договоре. Однако коренная реконструкция черемховской угольной промышленности началась лишь в 1930-х гг., когда приступили к постепенному обновлению устаревшего горнопроходческого оборудования [22,

с. 317]. Из перечня рабочих специальностей в Коллективном договоре видно, что уровень механизации на руднике был невысок.

На Гришевском руднике работали подземные конюхи. Ручной труд использовался при откате грузов (вагонщики, откатчики), при разгрузке грузов (кочегары), при ручной поковке (кузнецы и молотобойцы), а также при выборке породы. Вручную разносили воду ведрами к месту работы в поверхностных цехах и кипятили питьевую воду. Практиковалась ручная угольная загрузка³. Использовались ручные вентиляторы для вентилирования забоев в газовых шахтах, а также и в глухих забоях не газовых шахт. Вода из выработок откачивалась как ручными насосами, так и вручную ведрами и черпаками. Вагонетки подгоняли и откатывали вручную, прицепляли и отцепляли груз ручным способом. Откатку производили электровозами, конным и ручным способом.

Вместе с тем на Черемховском руднике имелась должность заведующего механизацией, инженера-рационализатора, применялись врубовые машины и электросверла. Именно машинист врубовой машины стал первым стахановцем Черембасса в 1935 г. Использовались электровозы и экскаваторы, но шпалы и рельсы укладывали вручную.

Невысокий уровень механизации пытались компенсировать развитием системы социалистического соревнования. Черембасс соревновался с Кузбассом и добился лучших результатов. Для обмена опытом приезжали делегации из других угольных бассейнов [21, с. 118].

Но реальное увеличение производительности труда достигалось за счёт интенсификации труда, а это создавало конфликтную ситуацию между работодателями и рабочими. Исследователи называют необоснованное увеличение норм выработки одной из причин недовольства рабочих.

По Коллективному договору, шахтёры обязывались повысить производительность труда на 11,8 %, причём заработная плата увеличивалась на 7 %, а себестоимость продукции – на 2,25 %. Этот рост планировалось достичь за счёт расширения роли сдельщины⁴. Повременная оплата труда допускалась только для работ, трудно подда-

¹ ГАНИИО. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 137.

² Там же. – Л. 138.

³ Коллективный договор, заключённый на 1930 год Райкомом С. Г. с Управлением Черемховского рудника. – Черемхово: Тип. Горсовета, 1930. – С. 145.

⁴ Там же. – С. 18.



ющихся нормированию. Сверхурочные работы оплачивались получасовой тарифной ставкой за каждые первые два часа и почасовой тарифной ставкой за последующие¹.

Рудоуправление по мере возможности обеспечивало квартирами ИТР и рабочих. Согласно дополнительному соглашению, с 1 февраля вместо льготного предоставления коммунальных услуг Рудоуправление стало оплачивать разницу, причём сумма ежемесячной приплаты зависела от должности и разряда квартирнанимателей: ученики получали минимальную приплату, а ИТР самую высокую. Если работник жил не в квартире Рудоуправления, ему полагалась доплата в 1 р. вне зависимости от получаемой зарплаты. Приплаты за коммунальные услуги в полном объёме получали только те работники, которые выполняли норму выходов на работу. Вычеты из приплаты полагалось производить лишь в случае прогула по неважительной причине. В газете «Черемховский рабочий» упоминались случаи попыток необоснованного получения доплат².

Качество квартир было разным. В Коллективном договоре прописаны баллы за различные удобства, сумма которых давала представление о тарифе за пользование квартирой. Баллы начислялись за наличие кухни, электрического освещения, тёплой уборной, канализации и других бытовых удобств.

Наиболее удобные квартиры принадлежали инженерно-техническим работникам и администрации: в них были паркетные полы, стены, обклеенные обоями, окна с двойными рамами, они были хорошо освещены, имели все коммунальные удобства (водоснабжение, ванную, канализацию), кухню, кладовую, мог быть коровник, двор, огороженный забором, и палисадник.

Для рабочих – комнаты в бараках с минимальными удобствами, среди которых были вода, отопление, освещение, ассенизация. Они предоставлялись рабочим и их семьям на основе самокупаемости до 1 февраля 1930 г. Рабочие оплачивали также доставку воды, угля и дров. Ученики и рабочие низких разрядов могли довольствоваться холодной (с окнами без зимних рам), плохо освещённой квартирой барачного типа с побеленны-

ми стенами, где кухня была на несколько семей, отсутствовали водопровод и баня, подсобные помещения для скота. Конечно, тариф за такие квартиры был гораздо ниже, но сами условия проживания могли вызвать (и вызывали) недовольство рабочих.

Тем не менее условия проживания и работы черемховских горняков были существенно лучше, чем у китайских рабочих на золотодобывающих приисках Сретенского и Читинского округов, которые были лишены элементарных бытовых удобств, таких как баня или душ, где квартиры были сырыми, холодными, с недостаточным освещением и вентиляцией. Специально отведённых мест для мусора, туалетов не предусматривалось, поэтому господствовала антисанитария [23, с. 72].

Работники Черемховского рудника могли держать скот при казённых квартирах. Рудоуправление учитывало крестьянское происхождение и запросы многих шахтёров, поэтому в квартирах, снабжённых надворными постройками для содержания скота, были особые места для хранения сена и соломы. Сохранились воспоминания ветерана-угольщика В. Ф. Бурягина: «...жители имели коров, коз, кроликов и голубей. На каждой улице был свой пастух. Рано утром по зову его самодельного рожка хозяйки выгоняли скот на пастбище» [24, с. 102]. Даже в 1950-е гг. город сохранял полудеревенский облик: преобладал частный сектор, обеспеченный только электричеством и водоразборными колонками [25, с. 150].

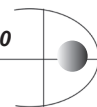
С другой стороны, приусадебные участки и скот обеспечивали более качественное питание, чем в среднем по отрасли [19, с. 184]. Горняки получали самую высокую заработную плату среди других рабочих Иркутской губернии.

Обсуждение результатов исследования. Для лучшего понимания условий труда и быта рабочих «пролетарского государства» интересно сравнить содержание Коллективного договора 1930 г. и первого в России Коллективного договора между нефтепромышленниками и бакинскими рабочими 1904 г.³ Их структура однотипна – длитель-

¹ Коллективный договор, заключённый на 1930 год Райкомом С. Г. с Управлением Черемховского рудника. – Черемхово: Тип. Горсовета, 1930. – С. 15.

² Черемховский рабочий. – 1931. – 15 сент.

³ Коллективный договор бакинских рабочих с нефтепромышленниками, 30 декабря 1904 г. – URL: <https://fra-mos.ru/wp-content/uploads/2016/11/КОЛЛЕКТИВНЫЙ-ДОГОВОР-БАКИНСКИХ-РАБОЧИХ-1904г.-составлен-Сталиным.pdf> (дата обращения: 11.09.2023). – Текст: электронный.



ность рабочего дня, оплата труда, охрана труда, трудоустройство, быт персонала.

Несомненный прогресс – снижение продолжительности рабочего дня с 9 до 8 часов. Произошёл переход от повременной к преобладающей сдельной оплате труда. В случае болезни бакинскому рабочему выдавали заработную плату в половинном размере в течение трёх месяцев. В СССР такая практика появилась только в 1937 г.¹ Рабочим начали выдавать спецодежду и предоставлять дополнительные отпуска.

Бакинским рабочим предоставлялись квартиры либо при их отсутствии – квартирные деньги. Бесплатно выдавался керосин для освещения, вода для питья, нефть или мазут для отопления. Черемховским горнякам квартиры предоставлялись по мере возможности, коммунальные услуги – на основе самокупаемости, а квартирные деньги, выдаваемые после 1 февраля 1930 г., рабочие тратили на коммунальное обеспечение. К тому же, в Договоре 1930 г. были прописаны сроки выселения из квартир (пять дней), причём в случае смерти рабочего, получения увечья или инвалидности, увольнения по сокращению штата сроки увеличивались до 1–2 месяцев. В зимнее время выселение не проводилось.

Таким образом, между договором, подписанным нефтепромышленниками в цар-

ской России, и договором, чьи положения были сформулированы правящей коммунистической партией, принципиальных различий практически нет.

Заключение. Огромная роль черемховских горняков в годы Гражданской войны вынуждала считаться с ними. Текст Коллективного договора 1930 г. даёт богатый фактический материал не только для понимания взаимоотношений Советской власти с организованными горнопромышленными рабочими, но и для характеристики структур повседневности последних – прежде всего, рутинных условий их труда и быта. Партийные органы, под чьим руководством составлялся текст Договора, были озабочены ростом производства, выполнением контрольных цифр 1929/1930 гг. При преобладании ручного труда это было возможно только за счёт интенсификации труда. В каком-то смысле привилегированные, наиболее высоко оплачиваемые горные рабочие жили в примитивном жилье, а питание обеспечивали за счёт огородов и личного скота. С другой стороны, договор обеспечивал некоторые социальные гарантии, завоеванные ещё забастовками в царские времена. Авторы пришли к заключению, что уровень жизни черемховских рабочих, как и пролетариата европейской части страны в 1920–1930-е гг., оставался ниже того, который существовал в царской России.

Список литературы

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
2. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 7–14.
3. Плотнокова М. М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв. Иркутск: ИГУ, 2014. 191 с.
4. Ипполитов Г. М., Репинецкий А. И. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. С. 154–161.
5. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
6. Кулешов Г. Н. История становления института коллективных договоров в России // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 2. С. 126–128.
7. Филипцова Н. А. Коллективный договор как вид нормативных правовых договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. М., 2016. 33 с.
8. Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг. / ред. Ю. И. Кирьянов [и др.]. М., 1998. 357 с.
9. Бриль Г. Г. Трудовые конфликты в годы первой пятилетки (1928–1933 гг.): предпосылки возникновения и способы их разрешения // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 1. С. 251–254.

¹ Об утверждении инструкции ВЦСПС и Наркомздрава СССР «О порядке выдачи застрахованным больничных листов»: Постановление Совета Народных Комиссаров: [от 14 августа 1937 г. № 1382]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/401928-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-ob-utverzhdenii-instruktsii-vtssps-i-narkomzdrava-sssrlocale-nil-o-poryadke-vydachi-zastrahovannym-bolnichnyh-listkov-locale-nil-14-avgusta-1937-g-locale-nil-1382> (дата обращения: 11.09.2023). – Текст: электронный.



10. Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28–42.
11. Davis R. W. The Emergence of the Soviet Economic System 1927–1934. Birmingham: University of Birmingham, 1977. 381 p.
12. Kyromia H. Stalin's Industrial Revolution Politics and Workers. 1928–1932. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 364 p.
13. Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. L.: Pluto Press, 1986. 318 p.
14. Боффа Д. История Советского Союза. М.: Международные отношения, 1994. Т. 1. 627 с.
15. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010. 317 с.
16. Пушкарева Н. Л. История повседневности. Текст: электронный // Энциклопедия «Кругосвет». URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/krugosvet/1/1010512.htm?text> (дата обращения: 08.02.2024).
17. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Летний сад, 1999. 317 с.
18. Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 258 с.
19. Плотникова М. М., Мартынихин В. В., Петрова А. А. Развитие промышленности Иркутской губернии / Иркутского округа в 1920–1928 гг. в условиях переходной экономики // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. № 3. С. 181–191.
20. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: Востсибкнига. 2012. 880 с.
21. Сокольникова О. Н. Через тернии – к звездам // Краевед Приангарья. 2017. № 2. С. 113–126.
22. Винокуров М. А., Суходолов А. П. Города Иркутской области. Иркутск: БГУЭП, 2010. 344 с.
23. Сазонова В. А. Китайские рабочие на золотодобывающих приисках Сретенского и Читинского округов во второй половине 20-х годов XX века: адаптация к новым социально-культурным условиям // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 3. С. 69–77.
24. Мозаика Иркутской губернии. Старинные селения Приангарья: очерки истории и быта XVIII – начала XX вв.: сб. ст. / сост. А. Н. Гаращенко. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская»: Изд-во «Оттиск», 2007. 432 с.
25. Гонина Н. В. Сырьевой город как среда обитания. Ведомственная социальная политика в городах и ее последствия в 1950–1980-х гг. (на материалах г. Черемхово Иркутской области) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 3. С. 144–153.

Информация об авторах

Плотникова Мария Михайловна, доктор исторических наук, доцент, Международный институт экономики и лингвистики Иркутского государственного университета; 664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская 6; someforme@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9431-227X>.

Ильина Анна Владимировна, старший преподаватель, Международный институт экономики и лингвистики Иркутского государственного университета; 664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская 6; annilin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0917-3118>.

Дятлова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет; 663033, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 126; dyatlovae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2348-797X>.

Вклад авторов в статью

Плотникова М. М. – основной автор, организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги реализации коллективного проекта.

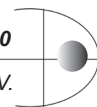
Ильина А. В. – систематизировала и анализировала материал исследования.

Дятлова Е. В. – систематизировала и анализировала материал исследования.

Для цитирования

Плотникова М. М., Ильина А. В., Дятлова Е. В. Повседневная жизнь черемховских шахтёров в год Великого перелома: Коллективный договор 1930 года // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 45–54. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-45-54.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.



References

1. Braudel, F. Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. Vol. 1. Structures of everyday life: possible and impossible. M: Progress, 1986. (In Rus.)
2. Krom, M.M. Everyday life as a subject of historical research. The history of everyday life. St. Petersburg, 2003: 7–14. (In Rus.)
3. Plotnikova, M. M. The formation of collective identity in the cities of Eastern Siberia in the late XVIII – early XIX centuries. Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2014. (In Rus.)
4. Ippolitov, G. M., Repinetsky, A. I. The history of everyday life: some aspects of the genesis and evolution of the branch of historical science. Proceedings of the Samara Scientific Center of the RAS, vol. 14, pp. 154–161, 2012. (In Rus.)
5. Schutz, A. The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology. M: Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. (In Rus.)
6. Kuleshov, G. N. The history of the formation of the institute of collective agreements in Russia. Problems of economics and legal practice, no. 2, pp. 126–128, 2017. (In Rus.)
7. Filiptsova, N. A. Collective agreement as a type of normative legal agreements. Cand. sci. diss. abstr. M., 2016. (In Rus.)
8. Labor conflicts in Soviet Russia 1918–1929. M: 1998. (In Rus.)
9. Bril, G. G. Labor conflicts during the first five-year plan (1928–1933): prerequisites for their occurrence and ways to resolve them. Bulletin of KSU, no. 1, pp. 251–254, 2017. (In Rus.)
10. Ivanov, Yu. M. The situation of the workers of Russia in the 20s-early 30s. Questions of history, no. 5, pp. 28–42, 1998. (In Rus.)
11. Davis, R. W. The formation of the Soviet economic system in 1927–1934. Birmingham, 1977. (In Eng.)
12. Kyromia, H. Stalin's industrial revolution politics and workers. 1928–1932. Cambridge, 1988. (In Eng.)
13. Filtzer, D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization. Lnd. 1986. (In Eng.)
14. Boffa, D. History of the Soviet Union. Vol. 1. M: 1994. (In Rus.)
15. Orlov, I. B. Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation. M: Publishing house of State University – Higher School of Economics, 2010. (In Rus.)
16. Pushkareva, N. L. The history of everyday life. Encyclopedia “Circumnavigation”. Web. 08.02.2024. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/krugosvet/1/1010512.htm?text>. (In Rus.)
17. Leбина, N. B. Daily life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920–1930. SPb: “Summer Garden”. 1999. (In Rus.)
18. Zinoviev, V. P. Industrial personnel of old Siberia. Tomsk: Publishing house of Tomsk University, 2007. (In Rus.)
19. Plotnikova, M. M., Martynikhin, V. V., Petrova, A. A. Industrial development of Irkutsk province. Irkutsk Region in 1920–1928 in a transitional economy. Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University, no. 3, pp. 181–191, 2022. (In Rus.)
20. Irkutsk region. Four centuries: The History of the Irkutsk province (region) of the XVII–XXI centuries. Chief editor of Prof. Dameshek, L. M. Irkutsk: Vostsibkniga. 2012. (In Rus.)
21. Sokol'nikova, O. N. Through thorns – to the stars. Local historian of the Angara region, no. 2, pp. 113–126, 2017. (In Rus.)
22. Vinokurov, M. A., Sukhodolov, A. P. Cities of the Irkutsk region. Irkutsk: Publishing house of BSUEP, 2010. (In Rus.)
23. Sazonova, V. A. Chinese workers at the gold mines of the Sretensky and Chita districts in the second half of the 20s of the XX century: adaptation to new socio-cultural conditions. Humanitarian vector, no. 3, pp. 69–77, 2022. (In Rus.)
24. Mosaic of the Irkutsk province. Ancient villages of the Angara region: essays on the history and way of life of the XVIII – beginning. XX century. Collection of articles. Comp. Garashchenko, A.N. Irkutsk: Ottisk, 2007. (In Rus.)
25. Gonina, N. V. Raw material city as a habitat. Departmental social policy in cities and its consequences in the 1950s–1980s (based on the materials of Cheremkhovo, Irkutsk region). Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State University, no. 3, pp. 144–153, 2020. (In Rus.)

Information about the authors

Plotnikova Maria M., Doctor of History, Associate Professor; International Institute of Economics and Linguistics, Irkutsk State University; 6 Ulaanbaatar st., Irkutsk, 664082, Russia; someforme@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9431-227X>.

Ilyina Anna V., Senior Lecturer, International Institute of Economics and Linguistics, Irkutsk State University; 6 Ulaanbaatar st., Irkutsk, 664082, Russia; annilin@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-0917-3118>.

Dyatlova Elena V., Candidate of History; Irkutsk State University; 126 Lermontov st., Irkutsk, 663033, Russia; dyatlovae@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2348-797X>.



Contribution of authors to the article

Plotnikova M. M. is the main author, is the organizer of the study, formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

Ilyina A. V. – systematized and analyzed the research material.

Dyatlova E. V. – systematized and analyzed the research material.

For citation

Plotnikova M. M., Ilyina A. V., Dyatlova E. V. The Daily Life of the Chermkhov Miners in the Year of the Great Turning Point: The Collective Agreement of 1930 // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 2. P. 45–54. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-45-54.

***Received: April 10, 2024; approved after reviewing May 22, 2024;
accepted for publication May 24, 2024.***